ПИСЬМА

ГРИНЕВИЧЕВЫ

О

ФИЛОСОФСКИХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ

ИЗДАННАЯ

Константиномъ Степановымъ.

ОДЕССА.

Въ Городской Типографіи.

1835.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Одесса, Февраля 18-го дня, 1835 года.

Цензоръ Николай *Куриландеръ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Илья Осдоровичъ Гриневичъ, посвятившій себя наукамъ и образованію юношества, съ давняго времени оказывалъ ко мнѣ отличную дружбу. Я всегда находилъ неизъяснимую прелесть въ искреннихъ его бесѣдахъ, исполненныхъ чистѣйшихъ понятій о великихъ истинахъ религіи и философіи. Онъ времени, отъ частаго свиданія и взаимнаго переливa мыслей и чувствованій сердце мое, такъ сказать, сродилось съ сердцемъ Г. Гриневича. Углубившійся въ науку и духомъ воспарившій къ Небесному онъ отлучилъ себя отъ всего земнаго Его духовное въ глубокомъ основаніи сердца собесѣдованіе съ Отцемъ-ушѣшителемъ, прерывается только нѣкоторыми выходами на уроки, необходимые для пропитанія его семейства. Духъ его, погруженный въ неизмѣримую область безпредѣльнаго, и среди тяжкихъ испытаній жизни всегда остается спокойнымъ. Всѣ его желанія направлены только къ большему и большему погруженію себя въ неизмѣримость Вездѣсущаго. Отдаленный, по обстоятельствамъ, на время, отъ мѣста его пребыванія, я находилъ отрадное успокоеніе въ перепискѣ съ симъ мужемъ. Письма его всегда читалъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ и хранилъ ихъ, какъ зерцало правсивенности. Онъ не отступаютъ ни на шагъ отъ здраваго разсудка; благочестивы, не переставая быть

философическими; наставительны и удобопонятны для всякаго и простаго Христианина. Я сообщал эти письма нѣкоторымъ изъ просвѣщенныхъ и благочестивыхъ пріятелей моихъ; и они раздѣляли одинакія со мною чувствованія. Они желали, чтобы письма сіи были напечатаны. Въ увѣренности, что онѣ покажутся всѣмъ благонамѣреннымъ читателямъ и что чтеніе оныхъ для многихъ можетъ быть полезно, я, съ согласія почтеннаго сочинителя, предпринялъ издать оныя, какъ оригинальное на нашемъ языкѣ сочиненіе, гдѣ свѣтъ истинной Философіи соединяется съ побужденіями вѣры. Два письма я предлагаю нынѣ на судъ публики, и если оныя заслужатъ одобреніе, я продолжу сообщать и прочія письма Г. Гриневича.

Въ первомъ письмѣ разговоръ наставника, съ своимъ питомцемъ довольно рѣзокъ, но Авторъ желалъ представить чудовище, т. е. нечестіе во всемъ его ужасѣ, дабы тѣмъ рѣшительнѣе поразить его и торжественнѣе показать разность между Философомъ Христіанином и Философомъ невѣрующимъ. Цѣль всѣхъ писемъ Гриневича наиболѣе состоять будетъ въ томъ, чтобы возвысить душу къ высокимъ истинамъ Религіи, чрезъ что пріобрѣтается миръ души и сладкое спокойствіе для исполняющихъ добродѣтели и творящихъ дѣла любви къ ближнему.

(Константину Сергѣевичу Степанову)

ПИСЬМО 1-е.

Ты далъ земль свое изображенье;
и жизнь и сиялъ:
И Ты, Творецъ, во мнѣ, своемъ твореньѣ
покой пріялъ.

Вы просите сказать вамъ откровенно мое мнѣніе, учить ли дѣтей вашихъ Философіи, или обойтись безъ сей науки, ведущей только къ вольнодумству, отверженію Религіи, безбожію. Тяжелую, по истинѣ, возлагаете вы на меня обязанность; ибо съ одной стороны дѣйствительно я вижу, что занимающіеся сею наукою пополняются только суемудріемъ, дѣлаются, если не вредными, то, по крайней мѣрѣ, безполезными и для себя и для другихъ; а съ другой, сколько похвалъ отдаютъ Фи-

лософіи и древніе и новѣйшіе мудрецы и благодѣтели человѣчества Многіе даже утверждаютъ, что безъ Философіи не можно сдѣлать вѣрныхъ успѣховъ ни въ какой наукѣ, что она освящаетъ и упрочиваетъ всѣ познанія человѣческія. Какъ же теперь, М. Г. согласить такія противорѣчія? Надобно, или опровергнуть мнѣнія защитниковъ сей науки; или, соглашаясь съ ними, доказать, что пагубна Философія, только на ложныхъ началахъ основанная; а это значитъ опровергнуть всѣ почти системы мудрецовъ Французскихъ, и многія, очень многія высокопарныхъ Нѣмцевъ; да въ дополненіе къ опроверженному показать и ту дорогу, по которой съ благонадежностію можно достигнуть до безоблачнаго познанія Истины Всесвятой, Всесовершенной. Вы сами видите, М. Г. какой трудъ вы на меня взваливаете, не говоря уже о томъ, сколько ненависти, ругательствъ должно возбудить дерзновеніе, открывать ошибки и заблужденія писателей, отъ всѣхъ и каждаго признанныхъ Классическими. Какой, напр. ученый не наморщитъ чела своего, начитавъ, что и без-

смертный Кантъ, открывшій всѣ пути заблужденія ума человѣческаго и не показавшій истинной дороги къ утвердительному познанію истины, ведетъ только къ пагубному сомнѣнію въ высочайшихъ знаніяхъ, безъ твердаго увѣренія въ которыхъ человѣкъ не можетъ быть ни добръ, ни счастливъ? Кто не вступится за Кондильяка, Вольтера, Дидерота, Кондорсета, Гельвеція, Беля и проч. и проч.? Какая дама не назоветъ вашего покорнаго слугу и дерзкимъ и безумнымъ? А вы знаете, М. Г., что я всегда отдавалъ справедливость суду дамскому, считая его и точнѣйшимъ и безпристрастнѣйшимъ нашего; и никогда не соглашался съ тѣми Философами, которые женскій полъ считаютъ несозданнымъ для занятій умозрительныхъ. Наши дамы также имѣютъ умъ, слѣд. и способность заниматься воздѣлываніемъ онаго. А можетъ быть мы потому видимъ столь мало читательницъ Философскихъ твореній, что мы, ГГ. Философы очень часто пишемъ такъ темно, такъ сбивчиво, что наши сочиненія не только отвращаютъ сихъ нѣжныхъ, чувствительныхъ

любительницъ Просвѣщенія; но наводятъ скуку и на самыхъ терпѣливыхъ, копотныхъ Филологовъ. Кстати замѣтимъ мы здѣсь себѣ ГГ. Ученые, что многія наши книги написаны такъ высокопарно, что едва мы сами, сочинители, понимаемъ свои сочиненія. А посему, или не надобно писать о томъ, о чемъ сами не имѣемъ яснаго понятія, или не надобно сердиться за то, что другіе не хотятъ безполезно ломать своей головы, чтобы добиться толку тамъ, гдѣ мы сами его не видимъ. Простите, М. Г. маленькому отступленію отъ предмета; оно вамъ нужно для того, чтобы вы дѣтямъ своимъ не давали въ руки такихъ сочиненій, которыхъ мы сами, писатели, не совершенно понимаемъ, дабы тѣмъ не угасить въ нихъ охоты къ сему высокому упражненію, или обработыванію своей благороднѣйшей половины, т. е. природы духовной.

» О Философія! « восклицаетъ Цицеронъ, ревностный ученикъ Платоновъ, а мой учитель въ искуствѣ писать постоянѣйшій, » О Философія! путеводительница жизни, назидательница добродѣтели, бичь порока!

» Что были бы мы, что былъ бы весь
» родъ человѣческій, безъ твоей помощи?
» Ты основала грады! Ты разсѣянныхъ лю-
» дей собрала въ жизнь гражданскую! Ты
» соединила ихъ сначала смежностію жилищъ,
» потомъ узами брака, наконецъ сходствомъ
» языка и письма! Ты создала Законы! Ты
» насадила добрые нравы и благочестіе! Къ
» тебѣ прибѣгаю; твоего прошу покрови-
» тельства и заступленія. Досель довольс-
» твуясь нѣкоторыми твоими наставлені-
» ями, я нынѣ предаюсь тебѣ совершенно и
» безъусловно. Единый день, проведенный до-
» бродѣтельно и согласно съ твоими нравп-
» лами, я не промѣняю на всю грѣховную
» вѣчность! Чьей же помощи искать намъ
» лучше, какъ не твоей, когда ты и спокой-
» ствіе жизни даруешь и отъ страха смер-
» ти освобождаешь? Не смотря на все это,
» мы однакожъ очень мало почитаемъ Фи-
» лософію по важности ея заслугъ вразс-
» сужденіи жизни человѣческой; многіе пре-
» небрегаютъ оную; а иные даже возстаютъ
» на сію науку. Возстаешь на хранительни-
» цу жизни! Кто осмѣлился опятнать

» себя таковымъ святоубійствомъ? Кто
» дерзнетъ распространить свою неблаго-
» дарность до такой степени, и заслужить
» названіе святоубійцы, оскорбляя ту, ко-
» торую долженъ бы по крайней мѣрѣ почи-
» тать, если бы и не былъ въ состояніи
» пользоваться ея наставленіями?

» Такое жестокосердіе я приписываю бо-
» лѣе тому, что невѣжды не могутъ
» сквозь мракъ, ихъ ослѣпляющій, проник-
» нуть взорами въ отдаленную древность,
» дабы намъ видѣть, что первые основа-
» тели человѣческихъ обществъ были Фи-
» лософы. Хотя имя сіе ново; но самая вещь,
» имъ означаемая, какъ мы увидимъ, весьма
» уже древняя. Ибо кто не согласится съ
» тѣмъ, что мудрость искони была извѣст-
» на и названа симъ прекраснымъ именемъ,
» подъ которымъ разумѣлось познаніе Бо-
» жескихъ и человѣческихъ вещей, равно какъ
» началъ и природы каждой вещи. Посему то
» имя *Мудрецовъ* дано было семи умнѣйшимъ
» Грекамъ. За нѣсколько столѣтій до осно-
» ванія Рима, оно было даровано Ликургу,
» современнику Гомерову; а еще прежде, во

» времена Героическія, приписано Улиссу и
» Нестору. Впрочемъ по преданію извѣстно,
» что Аѳласъ на своихъ раменахъ поддер-
» живалъ Небо; Промееей былъ прикованъ
» къ Кавказу; Цифей съ семействомъ бли-
» сталъ въ сонмѣ горящихъ звѣздъ: и отк-
» куда бы родились всѣ сіи мнѣнія, если бы
» Божественное познаніе Астрономіи, по-
» разившее удивленіемъ къ симъ великимъ
» мужамъ, не служило поводомъ къ вымыс-
» лу всѣхъ таковыхъ басень? По той же
» безъ сомнѣнія причинѣ всѣ, въ послѣдствіи
» занимавшіеся умозрительными науками,
» считались и назывались *мудрецами*, даже
» до временъ Пиѳагора, который первый
» ввелъ названіе *Философа*.«

Вотъ вамъ, М. Г. мнѣніе Цицеронова о Философіи, вѣками повторенное! Но многіе ученые, особливо прошедшаго столѣтія, унизили сіе почтенное названіе, содѣлали его даже опаснымъ, уклонившись отъ главной цѣли науки, или основавъ оную на началахъ ложныхъ. Почему вы справедливо думаете, что должно, или выбросить Философію изъ круга наукъ для образованія юношества, или

основать оную на началахъ справедливѣйшихъ, прочнѣйшихъ. Законопреступно, безбожно и думать о угашеніи свѣтильника жизни человѣческой, цѣлительницы язвъ душевныхъ, назидательницы, устроительницы всего изящнаго, благороднаго, высокаго. Такъ обратимся же къ источнику зла; посмотримъ, какія причины заставляютъ насъ такъ много *страшиться Философіи.*

Многія обстоятельства особенной важности дѣлаютъ нынѣ Философію и необходимѣйшею, чѣмъ прежде, и опаснѣйшею для неосторожныхъ. Родъ человѣческій въ наше время идетъ уже исполинскими шагами къ своему совершенству; всякой легко усматриваетъ неблагонадежность, шаткость и противорѣчіе тѣхъ началъ, на которыхъ основываются высочайшія таинства. Зло созрѣло отъ появленія въ свѣтѣ Критической Философіи, которая, яркими лучами озаривъ всѣ науки и познанія, открыла въ нихъ ничтожность, обманчивость, обольщеніе чувствъ невѣжественныхъ. Но опровергнувъ основанія, на которыхъ всѣ прежніе Философы утверждали высочайшія истины, гдѣ спасемъ

искать доказательствъ прочнѣйшихъ, непоколебимѣйшихъ? Критическая Философія удачнѣе прудилась надъ сокрушеніемъ стараго зданія, чѣмъ надъ сооруженіемъ новаго. Ею предлагаемая дорога опасна, пагубна; она ведетъ только къ правильнѣйшему и упорнѣйшему сомнѣнію во всемъ томъ, что еще могло казаться святымъ и неприкосновеннымъ для людей, не зараженныхъ испорченностію нравовъ или ложною ученостію, ведетъ, говорю, къ опроверженію таинствъ всякаго рода.

Вотъ какіе плоды обѣщаетъ Кантъ своимъ усерднѣйшимъ и ревностнѣйшимъ послѣдователямъ! И очень естественно. Ибо мы усмотрѣвъ непрочность и противорѣчіе въ началахъ, на которыхъ основываются какія либо предложенія, въ то же время сомнѣваемся и въ истинѣ самихъ предложеній, или совершенно отвергаемъ оныя, коль скоро не знаемъ началъ прочнѣйшихъ, или въ душѣ увѣрены, что невозможно найти лучшихъ и благонадежнѣйшихъ. Высочайшія истины, какъ то: бытіе Бога, свобода духа человѣческаго въ дѣйствіяхъ воли и мышле-

нія, святость права и обязанности, безсмертіе души, религія и пр. не подлежатъ опытности, и размышляющему о нихъ разсудку представляются, какъ бы въ превратномъ видѣ. Мы съ вами, М. Г. не учась въ Университетахъ, слѣпо въ нихъ вѣруемъ, частію по привычкѣ и чувству истины, а частію не умѣя, или не желая вникнуть въ ихъ начала, на которыхъ они основываются. А наши дѣтки не то; они съ малолѣтства занимаются науками; уже довольно успѣли въ образованіи умственномъ, и слѣд. ясно усматриваютъ всѣ нельпыя противорѣчія въ началахъ; а усмотрѣвъ таковыя, уже невольнымъ образомъ почитаютъ за обманчивый призракъ и самое чувство истины и самый истинникъ духовный, служащій какъ бы Ангеломъ — хранителемъ роду человѣческому, стремящемуся къ истинѣ. Вотъ причина, почему всякій, кто только примѣчаетъ, или въ состояніи примѣтить противорѣчіе, кроющееся въ началахъ, доселѣ повсюду принятыхъ, впадаетъ въ тѣсноту Духа, отъемлющую все спокойствіе душевное. А изъ сего мучительнаго состоянія не иначе выдти

можно, какъ нашедъ новыя и благодатнѣйшія начала, которыя могли бы, разсѣявъ мракъ противорѣчій, озарить все полуденнымъ свѣтомъ и цѣлую вселенную предначавшь въ совершеннѣйшемъ согласіи.

Чей скорбный духъ воспрянетъ къ Богу,
Кто вѣры пламенникъ зажжетъ
И бездны скользкую дорогу
Съ крестомъ Спасителя пройдетъ;
Въ пучинѣ золъ тотъ не погибнетъ;
Гроза сердечная утихнетъ.

Но вы скажете: »такъ я лучше повѣрю дѣтей своихъ какому нибудь Французу; онъ имъ преподастъ Философію по какому нибудь Кондильяку; они, не затрудняясь, пойдутъ всю науку.« — Избави васъ Богъ отъ такова намѣренія. Я вамъ напередъ скажу, что ваши дѣти, или не будутъ имѣть понятія о Философіи, пробѣжавъ ее безъ затрудненія; или, съ хорошими способностями и при постоянномъ прилѣжаніи, содѣлаются совершенными безбожниками. Взгляните хорошенько на систему, которая утверждаетъ, что всѣ наши познанія основываются на опытности, что мы мо-

жемъ познавать вещи только по обманчивой ихъ наружности, что намъ не суждено проникнуть въ ихъ сущность. Обнимите, говорю, хорошенько такую систему; и вы невольно отвергнете, или посредствомъ совершеннаго и систематическаго сомнѣнія сдѣлаете ничтожными всѣ тѣ святыя истины, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ быть ни добръ, ни счастливъ. Сего пагубнѣйшаго и ужаснѣйшаго состоянія никто избѣжать не можетъ, кто только правильно судить станетъ по началамъ такой Философіи. Духъ нашъ, по первородному свойству единичнаго происхожденія, никоимъ образомъ не можетъ допустить того, въ чемъ усматриваетъ явное противорѣчіе.

Вашъ сынокъ, научившись думать, что должно останавливаться на однихъ явленіяхъ, или одну опытность считать первымъ и единственнымъ началомъ всякаго познанія, въ духѣ любознанія спросить у своего наставника; *слуш.* Скажите мнѣ, Г. Аббатъ, что такое религія, не подлежащая опытности? Г. Аббатъ, съ злобною улыбкою, но съ совершенною увѣренностію въ свое познаніе,

не обинуясь скажетъ: »развѣ вы не видите, » что религія есть мечта, честолюбцами » изобрѣтенная для угнетенія рода человѣ- » ческаго. Такъ какъ опытность есть един- » ственное и верховное начало всякаго по- » знанія; и какъ изъ самаго понятія о Богѣ » слѣдуетъ, что онъ никогда не можетъ быть » предметомъ опытности: то не совершен- » ное ли безуміе, поклоняться существу, ко- » тораго мы никогда не видали, и выдуман- » ное свойство сего мнимаго существа » постановлять правиломъ для всѣхъ сво- » ихъ поступковъ. Пусть невѣжды вѣру- » ютъ ему; а мы знаемъ, что случай про- » извелъ насъ на землю, случай сниметъ и » съ лица земли. И такъ намъ остается толь- » ко ловить минуту и наслаждаться ею, а » всѣ прозрѣнія, высшія опытности и ни- » какаго намъ удовольствія не приносящія, » какъ пустые призраки, оставимъ сума- » сбродамъ, не умѣющимъ наслаждаться » жизнію. «

Вы уже содрагаетесь, М. Г.; но это еще первый важный урокъ вашему ученому сы- ну; послушайте далѣе, какъ нашъ умный Г

Аббатъ, не останавливаясь, изъяснитъ ему всѣ таинства по сему началу.

Слушатель. Но Г. Аббатъ! Когда мы учились закону Божію; то намъ говорили, что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, и что слѣд. получилъ духъ свободный въ дѣйствіяхъ воли и мысленія. *Аббатъ.* »Послушайте, мой любезный; я вижу, что вы очень просты съ вашими Г. Г. Законоучителями. По образу какаго Бога вы созданы? Выдуманнаго; а посему свобода Духа вашего пустая выдумка. Гордость и суетность человѣческая заставляетъ думать, что онъ поступаетъ свободно тамъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ, подобно другимъ животнымъ, дѣйствуетъ по однимъ только побужденіямъ естественнымъ. Верховный законъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ состоитъ въ томъ, чтобы стремиться къ пріятному по опыту, и отвращаться отъ непріятнаго. Нѣтъ иного различія между животнымъ и человѣкомъ, кромѣ того, что животное безъ яснаго познанія, а человѣкъ, съ полнымъ вѣдѣніемъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по-

» винуется одинъ и тѣмъ же побужденіемъ
» естественнымъ. Свобода Духа человѣчес-
» каго въ дѣйствіяхъ мышленія и воли есть
» только пустой призракъ, котораго ни-
» какъ не можно доказать опытомъ. Ибо,
» вникая въ самихъ себя, мы столько от-
» крываемъ явленій, свидѣтельствующихъ
» противъ нашей свободы, что даже безум-
» но увѣрять въ свободѣ Духа нашего. По
» крайней мѣрѣ по справедливо, что столь-
» ко же явленій свидѣтельствуетъ противъ
» свободы Духа нашего, сколько и въ поль-
» зу оной, такъ что то и другое равно-
» сильными доказательствами защищать мож-
» но. А гдѣ это возможно, тамъ явное про-
» тиворѣчіе: что же себѣ противорѣчитъ,
» то не можетъ ни существовать въ мірѣ,
» ни быть предметомъ мышленія нашего.
» И такъ свобода Духа человѣческаго есть
» мечта, которую предоставимъ Фанати-
» камъ; а сами станемъ подражать благо-
» разумію тѣхъ людей, которые, основы-
» вая все свое достоинство на одной выго-
» дѣ, подобно прочимъ животнымъ, имѣю-
» щимъ то же свойство и руководимымъ тѣмъ

» же побужденіемъ, хотя безъ яснаго о томъ
» познанія, ищущъ только полезнаго и пріят-
» наго для жизни своей живописи. Вотъ
» въ чемъ состоитъ вся испытная наша муд-
» рость и верховное предназначеніе человѣка!«

Слушатель. Что же мнѣ теперь думать, Г. Аббатъ, о святости права и обязанности?

Аббатъ. » То же, что о свободѣ Духа
» человѣческаго. Ибо, если нѣтъ свободы
» Духа, то въ настоящемъ смыслѣ не мо-
» жетъ быть ни права ни обязанности. Обя-
» занность и право суть только отвлечен-
» ныя идеи, которымъ соотвѣтствуетъ ли
» что либо въ природѣ вещей, это по край-
» ней мѣрѣ навсегда останется для насъ
» загадкою. Что намъ должно дѣлать, то-
» му научитъ опытность, т. е. научатъ
» естественныя побужденія, влекущія насъ
» къ пріятному и отвращающія отъ про-
» тивнаго; научитъ искаше собственной вы-
» годы, слѣдующей указаніямъ опытности;
» научитъ воспитаніе и примѣръ другихъ;
» научатъ деспоты, не имѣющіе ни малѣй-
» шаго понятія о сихъ идеяхъ и предписы-

» вающіе законы по своему только произ-
» волению; научать законоположенія зна-
» менитѣйшихъ народовъ, какъ древнихъ, такъ
» и новѣйшихъ. Вотъ истинные источники
» всякаго права и обязанности, основанные
» на необманчивой опытности; а посему и
» глупо и преступно, по ихъ пустымъ
» идеямъ судить о существующихъ законахъ
» права и обязанности: слѣд. святость пра-
» ва и обязанности есть мечта ничтожная.?

Слушатель. Остается еще важная истина, въ несомнѣнности которой увѣряли меня и родители мои и Законоучители, а именно: что душа наша безсмертна.

Аббатъ. » Безсмертіе души есть глупость
» безумнѣйшая. Кто изъ смертныхъ, на зем-
» лѣ живущихъ, испыталъ тотъ періодъ
» жизни, въ которомъ будто люди наслѣду-
» ютъ такую долю блаженства или бѣд-
» ствія, какой кто земною своею жизнію
» содѣлалъ себя достойнымъ. Опытъ намъ
» показываетъ, что здѣсь на землѣ полез-
» но; онъ научаетъ поставлять все благо-
» получіе жизни въ снисканіи богатствъ,
» блистательныхъ знаковъ отличія; а посему

» и велишь только сего искать и достигать всѣми возможными средствами, хотя бы » таковыя, основаны были на погибели ближ» нихъ «.

Вотъ вамъ, М. Г. правила и ученіе новѣйшихъ мудрецовъ Французскихъ! Невинная кровь безчисленныхъ тысячь, пролитая въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го столѣтія, ясно свидѣтельствуетъ о благихъ плодахъ сихъ несомнѣнныхъ истинъ. Все сіе и много еще ужаснѣйшаго находится въ книгахъ Философовъ, которые утверждаютъ, что первое начало всякаго познанія есть опытность, и которые изъ сего одного начала выводятъ всѣ свои адскія истины, соблюдая въ сужденіяхъ законы строгой послѣдовательности. Позвольте въ заключеніе изъ *Премудрости XIII*, прибавить. « *Суетны всѣ человѣцы* » *естественны, въ нихъ же не обрѣтается не*» *вѣдѣніе о Богѣ.* «

Но вы ужасаетесь; вы соглашаетесь лучше ничему не учить вашего сына, чѣмъ напитать его такими правилами, изъ которыхъ происпекаютъ всѣ заблужденія, всѣ униженія, всѣ злодѣйства и бѣдствія рода

человѣческаго. Берегите же вашего юнаго птенца, не только отъ Философовъ опытныхъ, но и отъ всѣхъ сочиненій, руководимыхъ Духомъ сей Философіи. Сердце человѣческое есть пучина безбрежная, которая вѣчно кипитъ, разрываетъ оплоты скромности, чтобы излиться на окружающія его существа: благо человѣчеству, если сердце чисто; изъ него истечетъ только вода жизни: горе, если сердце осквернено нечистотою умственнаго помраченія; оно изрыгать будетъ смрадные потоки, заражающіе, убивающіе неосторожныхъ чинпателей, а особливо юношей неопытныхъ.

Но время кончить. Я боюсь, на первый разъ, обремепить ваше вниманіе. Подумайте обстоятельнѣе о сказанномъ; и запечатлѣйте истинное въ сердцѣ вашемъ. На слѣдующій разъ займемся обозрѣніемъ Философіи Нѣмецкой; надѣюсь тамъ найти болѣе отраднаго, чѣмъ въ нынѣшнемъ разсмотрѣніи нашемъ. Нѣмцы не останавливаются на границахъ бездушной опытности; а посему и обѣщаютъ болѣе жизни въ своихъ сочиненіяхъ.

ПИСЬМО II-е

Овы, кто давнею порой,
Надеждой, мужествомъ, высокою душой
Свои вѣка предупреждали
И міръ тогдашній покоряли,
Предтечи мудрые! откинувше мракъ печали,
У вѣка каждаго своя
Обѣтованная земля, —
И онъ тревожно къ ней несется;
Но такъ, какъ Моисей, желанною страной
Онъ только взоръ лелѣетъ свой, —
Она потомкамъ достается.

Обозрѣвши систему Французской Философіи, вы уже столько перепугались, М. Г. что не хотите и слышать о Нѣмецкой, хотите вовсе не учить дѣтей своихъ Философіи, если только вамъ не будетъ открыта такая, которая, не уклоняясь отъ перваго своего предназначенія, могла бы на-

зидишь благополучіе жизни и ваших дѣтей и того Общества, въ которомъ назначено имъ совершать жизненное свое поприще.

Согласенъ съ вами, М. Г. Признаюсь, что то же послѣдовало и со мною, коль скоро я внимательно разсмотрѣлъ начала сихъ Г. Г. Философовъ. Какъ бы громовымъ ударомъ пораженный, я вздрогнулъ всѣмъ сердцемъ, узнавъ, что первыя начала нашего познанія ложны и что намъ не суждено достигнуть до познанія истины Всесвятой.

Ужасно, по истинѣ, было такое познаніе, пагубнѣйшее всякаго незнанія! Мнѣ казалось, что изъ свѣтлыхъ чертоговъ небеснаго очарованія я внезапно очутился въ мрачномъ царствѣ Ада, покрытомъ вѣчною тьмою, смятеніемъ и ужасомъ. Сердце мое было ужаснѣйшимъ образомъ. Драгоцѣнныя знанія, въ которыхъ прежде находило оно свое успокоеніе, мгновенно исчезли предо мною, подобно сладкому сновидѣнію. Я походилъ на грезившаго, который во снѣ нашедъ сокровище, считалъ себя благополучнымъ; но проснувшись, съ болѣзненнымъ прискорбіемъ видитъ, что его мни-

мыя богатства исчезли вмѣстѣ съ его пробужденіемъ.

Мои видѣнія,

Мой другъ! по смерти разскажу;
Но для живыхъ я выраженья
Въ земныхъ рѣчахъ не нахожу.

Сколь горестнаго состоянія никто избѣжать не можетъ, кто только съ соблюденіемъ правилъ строгой послѣдовательности сіи разсудитъ по началамъ, предложеннымъ нашими мудрецами. А посему, М. Г. я съ вами совершенно согласенъ въ томъ, что лучше неучиться и презить всю жизнь свою, чѣмъ научившись узнать то, что подрываетъ основаніе благополучія человѣческаго, вѣру отцевъ нашихъ, благосостояніе обществъ гражданскихъ.

Оспаваясь долгое время во мракѣ сомнѣній, которыми напитало меня чтеніе мудрецовъ 18-го вѣка, а между тѣмъ слѣдуя указаніямъ Евангельскимъ, я не зналъ, на что рѣшиться, чтобы разорвать завѣсу суемудрія и увидѣть истину въ благодати

нѣйшемъ ея свѣтѣ. Сдавна любилъ я Философію, но всегда благоговѣлъ и къ Евангельскому ученію. Наконецъ, послѣ продолжительной борьбы умственной, въ Духѣ моемъ прояснилась дорога къ примиренію мудрости человѣческой съ Премудростію Божіею. Я рѣшаюсь въ продолженіе писемъ моихъ открыть вамъ оную, не съ тѣмъ, чтобы считалъ ее самою справедливою; но по крайней мѣрѣ справедливѣйшею всѣхъ, мнѣ извѣстныхъ. Счастливымъ почту себя, если кто откроетъ мнѣ надежнѣйшую; не откажусь отвѣчать на возраженія, буде нѣкоторыя мѣста моего опыта покажутся темными отъ недостаточнаго развитія понятій. » *Отъ дней же Іоанна Крестителя доселѣ Царствіе Небесное нудится, и нуждницы восхищаютъ* » Мае. XI. 12, 13.

При семъ долгомъ поставляю замѣтить вамъ, М. Г. что предлагаемая мною Христіанская Философія требуетъ глубокаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія. Почему прошу васъ не судить объ ней по двумъ или тремъ письмамъ; но имѣть терпѣніе, вниматель-

но прочитать десятокъ, другой: и тогда вы навѣрное убѣдитесь, что она одна можетъ быть цѣлебнымъ средствомъ душевнаго успокоенія для людей, достигшихъ высшей степени образованія умственнаго; она одна можетъ въ нихъ произвести и навсегда сохранить твердое и непоколебимое увѣреніе въ дѣйствительности Существа Высочайшаго, на которомъ основана вся религія; ибо она одна происшекаетъ отъ самаго Бога и въ разсматриваніи частей Вселенной возвращается къ Богу же? » *единъ Богъ великъ, отъ смиренныхъ почитаемый.* Эккл. 3, 21. Кто только пойдетъ далѣе въ познаніяхъ и выйдетъ изъ круга обыкновеннаго ученія; тотъ рано или поздо усмотритъ противорѣчія, находящіяся въ обыкновенномъ, по формамъ разума естественнаго составляемомъ понятіи о Существѣ Всесовершенномъ; а потому если не освятится въ Духѣ, проницающемъ внутреняя вещей и представляющемъ разнороднѣйшее въ видѣ единороднаго: то естественнымъ образомъ отвергнетъ и самую дѣй-

ствительность Того, о Которомъ имѣлъ понятіе, въ послѣдствіи оказавшееся ложнымъ и неосновательнымъ. Философія М. Г. есть высшій способъ познанія; она нужна только тѣмъ, кто, сдѣлавъ большіе успѣхи въ наукахъ, не можетъ уже довольствоваться понятіями, составляемыми по формамъ естественнаго разсудка, какъ низшей степени познанія. А посему Философія не имѣетъ дѣла съ людьми обыкновенными, находящимися еще на низшей степени развитія умственнаго, пригвожденнаго къ опытности, потому что такимъ людямъ и въ голову не приходятъ противорѣчія, кроющіяся въ большей части ихъ понятій. Для такихъ достаточно познаніе Логики, занимающейся изложеніемъ формъ разсудка естественнаго. И если всѣ намъ извѣстныя сочиненія философскія таковы, что при соблюденіи строгой послѣдовательности въ сужденіяхъ дѣлаютъ дѣйствительность Существа Высочайшаго невозможною; то религія конечно можетъ имѣть сильную опору въ такой Философіи, которая дѣйствительность Существа Высочайшаго утверждаетъ на основаніяхъ проч-

ныхъ и никакому сомнѣнію не подверженныхъ. Я предполагаю открыть пелѣпые грезы всѣхъ досель существующихъ Философовъ, показать причину оныхъ, и произвести Философію отъ самаго Бога, основавъ оную на совершенномъ, несомнѣнномъ Его познаніи. *Не въ словеси бо Царствіе Божіе, но въ силѣ.* Корине. IV, 20.

Не подумайте, М. Г. чтобы всѣ Философы, послѣдующіе инымъ системамъ, проистекающимъ отъ разума естественнаго, имѣли безумное намѣреніе ниспровергнуть религію, хотя нѣкоторые и не могли бы оправдаться въ сей преступной мысли; будьте увѣрены даже, что большая часть изъ нихъ искренно преданы религіи: но не сомнѣвайтесь, что Философія, основанная на формахъ разума естественнаго, при соблюденіи строгой послѣдственности въ сужденіяхъ, должна своихъ послѣдователей, даже противъ ихъ воли, вести къ умственному отверженію религіи, т. е. къ утвержденію, что дѣйствительность Высочайшаго Существа невозможна. Хорошо обнять предлагаемую мною систему Христіанской Фи-

лософіи болѣе всего препятствуетъ то понятіе о религіи, которое составляется разумомъ, пригвожденнымъ еще къ опытности, разумомъ противорѣчія. Христіанская Философія, проистекая отъ Бога-Отца, зримаго разумомъ первобытнымъ Духа Христова, неразрывно связана съ религіею, потому что понятіе объ Отцѣ неразлучно съ разумомъ первобытнымъ, какъ то въ послѣдствіи доказано будетъ. А посему Христіанская Философія должна быть совершенно согласна съ религіею. Но есть различіе между понятіемъ о религіи, основаннымъ на разумѣ естественномъ, и понятіемъ, составляемымъ разумомъ первобытнымъ. Какъ изъ противорѣчащаго понятія о Вселенной, составляемаго разумомъ естественнымъ, не слѣдуетъ, чтобъ и самая дѣйствительность Вселенной была сомнительна; такъ изъ того, что понятіе о Высочайшемъ Существѣ, составленное разумомъ естественнымъ, не возможно по причинѣ находящихся въ немъ противорѣчащихъ знаковъ, никоимъ образомъ утверждать не льзя, чтобъ и самая дѣйствительность

Высочайшаго Существа была по себѣ невозможна. И Вселенная, разумомъ естественнымъ представляемая, по существу своему ничтожна, и Высочайшее существо, разсматриваемое силою того же разума, не возможно. А изъ того самаго, что и Вселенная и Высочайшее Существо по существу должны быть иначе, нежели какова представляются разумомъ естественнымъ, непремѣнно слѣдуетъ, что дѣйствительность Высочайшаго Существа должна быть основана на высшемъ родѣ познанія, на формахъ разума первобытнаго Критическая Философія утверждаетъ, что понятіе о Высочайшемъ Существѣ, составляемое разумомъ, находится въ явномъ противорѣчіи; а поелику въ человѣкѣ нѣтъ ничего выше разума; то познаніе Высочайшаго Существа невозможно: и симъ самимъ таковая Философія весьма опасна для религіи. Ибо требованіе сердца, къ которому Кантъ послѣ прибѣгаетъ, не можетъ уничтожить сего противурѣчія, а слѣд. и защитить дѣйствительности Существа Высочайшаго.

Но вѣчно ль намъ безъ радости томиться,
На дивный край все издали смотрѣть,
Въ его предѣлъ и день и ночь стремиться,
И никогда къ Нему не долетѣть?

Пѣтъ, я напротивъ утверждаю, что способъ познанія, приписываемый Кантомъ разуму и называемый высшимъ, принадлежитъ только разсудку, оку душевному, и что формы сего разсудка потому только бываютъ въ противорѣчіи, что не подводятся подъ формы высшей способности познанія, состоящей въ разумѣ первобытномъ, или окѣ Духовномъ, которое, запмѣваясь окомъ душевнымъ, остается въ бездѣйствіи. Вотъ вамъ, М. Г. путь, Христомъ указанный къ Духовному видѣнію Невидимаго для душевнаго! Путь сей неизвѣстенъ былъ Канту, еще не прозрѣвшему очами духовными.

И такъ намъ остается только разрѣшить и уничтожить противорѣчія, кроющіяся въ понятіи ока душевнаго о Существѣ Высочайшемъ и перейти къ такой дѣйствительности, которая, не заключая въ себѣ малѣйшаго противорѣчія, не была бы уже подвержена никакому сомнѣнію. Понятіе о

религіи, составляемое разумомъ естественнымъ, такаго свойства, что кажется намъ врожденнымъ, и слѣд. самымъ обыкновеннымъ, потому что мы съ дѣтства привыкли судить обо всемъ по формамъ разума естественнаго. Сіе понятіе въ послѣдствіи времени еще болье вкореняется воспитаніемъ, и всѣми вообще науками опытными, составляющими такъ называемое воспитаніе умственное; а напослѣдокъ различными системами Философіи, основанной на невѣрныхъ формахъ ума слѣпопствующаго, ума душевнаго. Языческій Мудрецъ чувствовалъ это и вотъ какъ изъясняется своимъ сообщественникамъ: » Если бы Природѣ угодно » было создать насъ такъ, чтобы мы могли » ее самое видѣть и его руководствоваться » въ теченіи жизни нашей: то по истинѣ, » для благополучія своего, мы не имѣли бы на» добности ни въ познаніяхъ, ни въ ученіи. Но » она даровала человѣку только слабые лу» чи свѣта; да и тѣ вскорѣ угасаютъ, частію » отъ испорченности нравовъ, частію отъ за» блужденія предразсудковъ, которые сіе » мерцаніе природнаго разума наконецъ по-

»крываютъ мракомъ непроницаемымъ. Въ »самомъ дѣлѣ, во глубинѣ сердецъ нашихъ »мы ощущаемъ сѣмена добродѣтели, кото»рыя естественнымъ образомъ привели бы »насъ къ счастливой жизни, если бы мы толь»ко дали имъ прозябнуть. Но мы не успѣ»емъ родиться на свѣтъ, какъ уже пре»даемся заблужденіямъ и ложнымъ поня»тіямъ всякаго рода такъ, что кажет»ся съ млекомъ матерним сосемъ и всѣ »свои пороки. Когда же родители отдаютъ »насъ для воспитанія и ученія, то мы до »того напояемся ошибочными мнѣніями, что »наконецъ ложь торжествуетъ надъ истиною, а предубѣжденія надъ самою При»родою. «

» Стихотворцы составляютъ также не »малый родъ развратна. Предполагая въ нихъ »обширную ученость и глубокую мудрость, мы ими плѣняемся, ихъ читаемъ, заучи»ваемъ наизустъ; ихъ наставленія глубоко »врѣзываются въ сердцахъ нашихъ. А кога ко всему этому присоединится еще мнѣ»ніе народное, сей могучій Учитель без»порядковъ всякаго рода; тогда мы, уже за-

»ражепные порочными идеями, совершенно »удаляемся отъ Природы.«

Думайте, какъ вамъ угодно; а я изъ многихъ мѣстъ Цицерона заключаю, что онъ подъ именемъ Природы разумѣлъ Творца Единосущнаго: въ другомъ мѣстѣ изъясню, что онъ не могъ выразиться согласно съ Платономъ, чтобы не оскорбить вѣроисповѣданія своихъ соотечественниковъ.

И такъ, М. Г. оставимъ прежній способъ судить по формамъ разума душевнаго, прозримъ очами духовными. »*Вострубите трубою въ Сіонѣ, освятите постъ, проповѣдите цѣльбу. Іоан.* 11, 5 « въ надеждѣ, что если только обращемъ истинное начало; то незыблемо утвердимъ и другія истины, необходимыя для нашего достоинства и счастія.

Свойство опытнаго познанія по существу своему таково, что человѣкъ никоимъ образомъ не можетъ составить себѣ яснаго понятія о вещественности и Духовности, изъ взаимнаго соединенія которыхъ состоитъ Вселенная, не вознесшись до Существа совершеннаго, единаго, без-

предѣльнаго, а слѣд. такаго, которое не можетъ быть ни что-либо вещественное, ни что-либо Духовное. Чистое понятіе о Богѣ есть основаніе всякаго познанія, такъ что мы безъ Него ничего знать не можемъ. » *Начало Премудрости есть страхъ Господень.* « И такъ, поелику свойство всего ограниченнаго состоитъ въ томъ, что оно есть или что-нибудь вещественное, или что-нибудь Духовное; то явствуетъ, что Существа совершеннѣйшаго не можно представить ни подъ формою Вещественности, ни подъ формою Духовности. Но первоначальное представленіе Существа совершеннѣйшаго, составленное по формамъ разума душевнаго, необходимо является намъ чѣмъ-то или *вещественнымъ*, или *духовнымъ*, или *тѣмъ и другимъ вмѣстѣ*, потому что по законамъ разума душевнаго мы обыкновенно представляемъ себѣ всѣ предметы подъ сими формами. Человѣкъ въ сердцѣ своемъ носитъ истинный отпечатокъ Существа Высочайшаго, несовмѣстный съ противорѣчащими формами разума душевнаго. Отпечатокъ сей, при руководствѣ одного ра-

зума душевнаго, завлекается въ нелѣпѣйшіе предразсудки, или приводится къ совершенному отверженію Религіи. Истинная Философія не только подтверждаетъ дѣйствительность таковаго отпечатка сердечнаго; но и возноситъ насъ къ совершенному познанію онаго, основанному на несоспоримыхъ доказательствахъ, разсѣевающихъ всякое безбожіе, всѣ предразсудки и самое малѣйшее, сомнѣніе въ дѣйствительности таковаго понятія. Таковую Философію по справедливости можно назвать наукою о истинномъ и точномъ познаніи Бога. Отъ самаго Бога, а не отъ убѣжденія, или какаго нибудь тщеславаго желанія сердца, должна проистекать истинная Философія, Философія Христіанская; и къ Богу же возводить въ особенномъ разсматриваніи каждой части Вселенныя. А посему она, увѣреніе и вѣру обращая въ ясное познаніе, и самому общему чувству оказываетъ большое пособіе. Она изгоняетъ всякое невѣріе изъ области высшей образованности умственной, и дѣлаетъ его невозможнымъ для всѣхъ тѣхъ, кои успѣли основательно разсмотрѣть природу Ду-

ха человѣческаго.

Какъ часто Духомъ я къ Тебѣ летаю,
Творецъ всего, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною Твоею красотой!

Французская революція представляетъ намъ разительный примѣръ тому, сколь легко невѣріе распространяется изъ круга людей образованныхъ въ общество самой простой черни, и какія ужасныя производитъ тамъ дѣйствія. Невѣрія же избѣжать невозможно, коль скоро люди образованнѣйшіе спанутъ по законамъ строгой послѣдственности и съ большею точностію разсматривать понятіе о Богѣ, составленное по одинѣмъ формамъ разума душевнаго. Богъ, представленный подъ формами противорѣчащими, теряется изъ виду. А посему, не вознесшись до высшаго способа познанія, свойственнаго разуму Духовному, первородному, преображенному или обновленному, необходимо должно отвергнуть Его дѣйствительность. Философъ-Христіанинъ высоко стоитъ надъ обыкновенною чернью, или лучше, начала разума первороднаго не-

совмѣстны съ предразсудками людей грубыхъ и необразованныхъ. Для людей такаго рода не доступны начала разума первобытнаго. Религія положительная, имѣя въ предметѣ не только людей образованныхъ, но и грубую чернь, необходимо должна основываться на общемъ чувствѣ, т. е. на образѣ мыслей, свойственномъ разуму душевному. Впрочемъ и такая религія нужна для того, чтобы люди даже грубые не утратили своего достоинства и стремились къ достиженію верховнаго предназначенія для всѣхъ и каждаго. Религія Христіанская по существу своему клонится только къ поддержанію достоинства человѣческаго, къ обращенію его къ Богу, слѣд. къ ускоренію его блаженства. Возьмемъ даже и такую религію, которая наполнена множествомъ предразсудковъ; если она исповѣдуема народомъ, находящимся еще на низшей степени образованія и не могущимъ понимать высшихъ и чистѣйшихъ понятій о религіи; то и такая, говорю, религія можетъ быть средствомъ къ образованію людей и возведенію ихъ на высшую степень нравственнаго

совершенствованія. А народъ, находящійся на высшей степени образованія умственнаго, по врожденному праву духовнаго совершенствованія, не приметъ религіи грубой и предразсудками наполненной, какая бы сила на то употреблена ни была. Внутреннее человѣка не подлежитъ власти физической. Исторія нашего Отечества изумляетъ тѣмъ, что ни одинъ Вѣнценосецъ не употребилъ силы на принужденіе къ принятію вѣры, между тѣмъ какъ Западъ Европы обагрялся кровію милліоновъ за дѣла, до церкви касающіяся. — Дѣло правителей особенное обращать вниманіе на то, чтобы подвластные имъ народы свято хранили религію, приличную ихъ Духу и образованности. Не всякъ можетъ выйти изъ круга дѣйствій разума душевнаго и вступить въ область разума духовнаго, смотрящаго на вещи не по наружности, но по существу ихъ внутреннему. Большая часть людей едва успѣваютъ обозрѣть пространство разума душевнаго; и для нихъ та религія положительная, какъ путеводительница, свѣтильникъ жизни, всего необходимѣе. Но жлающій

пріобрѣсти лестное названіе *Просвѣтителя Христіанскаго*, долженъ обозрѣть всѣ начала разума душевнаго во всѣхъ его измѣненіяхъ и сравнить съ началами разума духовнаго. Ему надобно возродиться Духомъ; ибо видѣть Бога можно только очами духовными. Внимательное и строгое разсмотрѣніе всѣхъ формъ разума душевнаго есть смерть и совершенное уничтоженіе всего того, что прежде въ сей области казало жизнь и дѣйствительность. Ибо силою разума Духовнаго, подобно свѣтильнику, озаряющему всю область разума душевнаго, мы ясно усматриваемъ господствующее въ немъ противорѣчіе и невольно разрушаемъ самую дѣйствительность. И если въ такомъ состояніи не откроется намъ какаго-либо высшаго представленія о Существѣ Высочайшемъ; то бывшее доколѣ о немъ понятіе, оказавшись противорѣчащимъ, необходимо исчезнетъ, или по крайней мѣрѣ останется навсегда сомнительнымъ. Здѣсь-то во всей полнотѣ открывается важность предлагаемой мною Христіанской Философіи: она одна можетъ поддер-

жать достоинство и счастіе человѣка, усматривающаго противорѣчіе въ понятіи своемъ о Существѣ Высочайшемъ, представивъ ему новое, почерпнутое изъ разума Духовнаго; она одна можетъ предохранить и удержать благороднѣйшую часть человѣчества отъ пропасти пагубнѣйшаго заблужденія, отвергать дѣйствительность Существа Высочайшаго, или подвергать оную вѣчному сомнѣнію. Нѣтъ, по истинѣ, большаго зла, пагубнѣйшей язвы, угрожающей роду человѣческому, какъ нечестіе или убѣжденіе, что религія есть только вымыселъ. Съ понятіемъ о дѣйствительности Бога, или съ твердымъ увѣреніемъ въ его бытіе, отвергнуть должно и всѣ изящества человѣка, всѣ способы его счастія, всѣ опоры его достоинства. Ибо все великое и превосходное въ человѣкѣ; все, что можетъ ускорить его безконечное совершенствованіе, умножить благосостояніе какъ частное, такъ и общественное; все высшее въ наукахъ и художествахъ; все это основывается на понятіи о Существѣ Высочайшемъ, и на непоколебимомъ увѣреніи въ его дѣйствительности

ности. И только бы сохранить сіе святое увѣреніе, все кажется равно, будетъ ли оно плодомъ разума душевнаго, или произведеніемъ разума Духовнаго. Но врассужденіи разныхъ классовъ людей не можно успѣть въ этомъ одинаковымъ образомъ. Человѣкъ, находящійся еще на низшей степени развитія умственнаго, гдѣ дѣйствуетъ только разумъ душевный, никоимъ сбразомъ постигнуть не можетъ того понятія о Богѣ, которое раждается въ разумѣ Духовномъ (*еще многа имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всякую истину: не о себѣ бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать и грядущая возвѣститъ вамъ.* Іоан. XVI, 12 13 *Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, и явѣ объ Отцѣ возвѣщу вамъ.* Іоан. XVI, 25). Богъ, зримый очами Духовными, недоступенъ для очей душевныхъ. Человѣкъ ограничивающій свои понятія одною только чувственностію, еще не жаж-

детъ пищи духовной. А кто не можетъ уже довольствоваться душевными формами сужденія; кто начинаетъ усматривать кроющіяся въ нихъ противорѣчія: тотъ и самое понятіе о Богѣ, по тѣмъ низшимъ формамъ составленное, почтетъ ничтожнымъ; для избѣжанія вѣчнаго сомнѣнія начнетъ искать высшаго; и здѣсь — тогда открывается совершенная необходимость въ высшемъ способѣ сужденія, доставляющемъ положительное и совершенно согласное познаніе о Существѣ Высочайшемъ —

О Ты, предвѣчно сущій,
Всѣхъ видимыхъ начало и конецъ,
Въ мірахъ безчисленныхъ живущій
И въ прахъ кажущій себя, Творецъ!
Дай смертному прозрѣть очами
Той точки разума земнаго,
Гдѣ онъ, сродпялсь съ небесами,
Узритъ Отца, себѣ роднаго!